

Глава 5 Новые марионетки

— Куроме, ты уверена в своей затее? — с сомнением спросил Натал.

— А чем тебе не нравится мой план? — поудобнее устроившись на широкой ветке, отвечаю вопросом на вопрос. — На зверушках не написано, кто у них самый сильный. А если напасть на всю стаю, вожак может и удрать. Да и маловато у меня сейчас выносливости, чтобы драться со всеми, — добавляю неохотно. — Будешь печеньку?

— Давай, — вздохнул друг и, приняв угощение, посмотрел вниз.

Там среди зелени тропического леса неподвижно ожидал приказа освобождённый от своего огромного рюкзака Прапор. Обряженный в чёрную шкуру, с измазанным тёмной акварелью лицом — огромный звероватый мертвяк сильно напоминал цель сегодняшней охоты. Настоящий Кинг-Конг!

Джунгли, игнорируя незваных гостей, жили своей жизнью: зверьё и мелкие монстры рычали, визжали и ухали, жужжали насекомые, хлопая крыльями, резали воздух яркие птицы, шелестела листва, одуряюще пахло смесью тропической зелени, прели, каких-то цветов и фруктов. Если не присматриваться к деталям, вокруг царила некая романтика дикости. А если присматриваться... те же голод, похоть и смерть, что и везде. Кто-то жрал, кого-то жрали, кого-то сношали или призывали к сношению, а кто-то, как неудачливый самец богомола, становился пищей для бывшей партнёрши. Природа не ведала жалости и была красива в той же мере, что и война... то есть лишь до тех пор, пока смотришь на неё со стороны. Или хотя бы с вершины пищевой пирамиды.

Да, в бесконечном цикле жизни, порождающей смерть и вновь прорастающей сквозь тлен предыдущих поколений, была своя красота, но... мне не хотелось быть её частью, не хотелось стать питательной средой для кого бы то ни было. Даже для своих гипотетических потомков, обречённых повторять те же ошибки, что тысячекратно совершались до них. Внутри поднялись отрицание и злость.

Не хочу быть брэнной крупницей в этом бессмысленном круговороте!

«И не буду!» — вторило что-то внутри. На короткий миг показалось, что гуляющий по телу холод стал чуточку роднее. Внезапно накотившую хандру так же быстро сменила весёлая злость, а на губы напозла кривоватая улыбка. Что мне законы природы? Любой закон можно если не нарушить, то обойти.

— Давай, Прапор, покажи этим пожирателям бананов, кто здесь самый большой и сильный обезьян! Будешь лениться, станешь Грузчиком, так и знай!

— Знаешь, Куроме, иногда мне кажется, что ты намного старше и мудрее меня, а иногда ты словно ребёнок.

— А я даже не спору. Да и ты не дедушка, — парирую замечание вошедшего в образ старшего брата «очень взрослого» семнадцатилетнего парня. — Если можно совместить дело с весельем, то почему бы и нет? Здесь нет командиров или наставников, как в детстве на Базе, так зачем сдерживаться? А мне нужны положительные эмоции, чтобы быстрее восстановиться. Так-то! — важно помахав перед носом друга указательным пальцем, тянусь за очередной вкусняшкой.

— Вот я и говорю — девчонка, — тихо засмеялся Натал. — Но это хорошо, что тебе становится лучше, — пронизательный взгляд. — Ведь становится?

— Конечно! Скоро снова начну тебя побеждать, даже не надейся занять первое место в Рейтинге! — восклицаю с максимально честным видом. Не то чтобы это было не так, но о проблемах с кошмарами-воспоминаниями и странным влиянием непонятных символов я предпочёл умолчать. Помочь друг не сможет, только будет зря беспокоиться. Он и так проявлял к моим проблемам излишнее и раздражающее внимание. Не развалюсь! И ведь не скажешь, что не нуждаюсь в опеке — не поймёт. Или хуже того: опять сочтёт себя бесполезным и расстроится.

— Натал, смотри, начинается!

Прапор приблизился к расположившейся около какого-то фруктового дерева группе обезьян-монстров. Завидев гостя, стая заволновалась, начали раздаваться обезьяньи угуканья и взвизги. Мертвяк остановился и, повинувшись моему приказу, грозно угукнув, начал колотить себя в грудь, чем вызвал у мохнатой публики живейший отклик.

— И-хи-хи! Смотри, смотри, они приняли Прапора за своего! Я же говорила, что сработает! Он же на лицо один в один как они, такой же могучий, вонючий и волосатый!

Презабавная идея вырядить Прапора в эйпмана пришла мне в голову не просто так, а после прочтения информации об этих существах. Для данного вида монстров схватки за лидерство были нормальными, но в случае неудачной попытки битый претендент изгонялся, как и бывший вожак в случае успеха, убийством такие поединки завершались редко. Что ещё любопытнее, неудачник вполне мог набраться сил и, вернувшись, снова бросить вызов победителю... ну, или поискать счастья в ином месте. Бродячий самец-одиночка вполне мог вызвать на бой альфу совершенно чужой стаи и, победив, занять его место без последующих разборок с нижестоящими в иерархии. И само собой, в бою за лидерство поддерживать вожака, навалившись на пришельца-конкурента гуртом, никто не станет. В чём-то даже логично: раз уж пришлый смог добраться до новой стаи и победить, то и потомки у него получатся сильными. Такой вот способ обновить кровь и улучшить породу.

А вот сунься мы как есть, без маскарада — пришлось бы драться сразу со всеми, что в условиях джунглей не очень удобно. К тому же зачем убивать существ, не сделавших ни мне, ни людям ничего плохого? На своих прямоходящих двоюродных родичей, научившихся строить города, эйпманы практически не нападают: не хищники, чай, а растительоядные. Особо ценных ингредиентов в себе не несут, мясо у них, если верить описаниям, жёсткое и невкусное.

Пусть живут.

Нет, будь мне нечем заняться, и происходи дело в более располагающей обстановке, чем влажный тропический лес, одна добрая волшебница с удовольствием развлекла бы себя дракой, а затем погонялась за весело разбегающимися жертвами. Но превращаться ради этого сомнительного удовольствия в чучело, перепачканное грязью и растительным соком? Нет уж, увольте! И вообще: немотивированные, не приносящие выгоды убийства — это плохо. А я хочу стать лучше и добрее, да.

А ещё оставленные в живых обезьянки превращаются в потенциальных призывников. Мало ли, вдруг мне понадобятся новые немёртвые бойцы?

Один из самцов, приняв вызов Прапора, выдвинулся вперёд. К моему удивлению, это был отнюдь не самый крупный из тех четверых потенциальных рекрутов, в которых я подозревал альфу. Обезьян с проседью в чёрной шерсти громко заверещал, заурикал, заколотил себя по груди и в завершение демонстрации прыгнул к дереву, чтобы, вырвав из земли ствол в пару

моих обхватов, отбросить его в сторону.

Миньон шагнул к дереву потолще и одним ударом буквально взорвал толстенный ствол, а другим оттолкнул его в сторону.

Болельщики в лице остальных обезьян разразились взвизгами и угуканьем в поддержку лидера.

— Давай, Прапор, вмажь ему! Только не поломай! — поддержал я своего бойца.

Соперники начали сходитьсь. Обезьян двигался прыжками, и время от времени ускоряясь, совершал угрожающие движения. Прапор ждал. Улучив момент, когда противник «отвлёкся», прямоходящий примат ускорился и, бросив в нёмёртвого толстую ветку, атаковал следом. Спровоцировавший нападение Прапор встретил атаку стойко, как и положено Мастеру стиля укрепления.

Бух-бух-бух!!! — слившиеся в очередь звуки ударов походили не то на грохот взбесившегося механического копра, не то на беглый обстрел миномётной батареи. Обезьян бил, разрывал дистанцию, прыгал вокруг миньона и снова бил. Несколько более медлительный Прапор стоял словно скала, о которую разбиваются приливные волны, частично отводя, частично принимая удары на укреплённые духовной силой руки.

«Да уж, действительно Алмазное Тело, — мысленно повторил я название стиля слуги, когда отпрыгнувший от него обезьян стал трусить рукой, — даже монстр об него кулаки отбил!»

Несмотря на отсутствие видимых результатов своих усилий, эйпман-вожак не сдавался. Немного отдохнув вне ускорения и попутно пытаясь запугать крепкого, но слишком пассивного противника криками и угрожающими ужимками, обезьян снова бросился в драку.

И снова атаки разбились о непоколебимую защиту Прапора. Монстр хоть и незначительно превосходил миньона в скорости, но мастерства и силы ему не хватало. Напади на бывшего разбойника сразу несколько эйпманов — и они бы смогли если не уничтожить, то заметно

повредить марионетку: всё же для монстров В-ранга защиту Прапора полностью непробиваемой уже не назвать. Не слабаки-цэшки всё-таки. Но вот в драке один на один мертвяк уверенно вёл, и не будь приказа изматывать и аккуратно глушить будущего слугу — уже покалечил, а то и убил бы монстра-примата.

Отброшенный очередным ударом-толчком эйпман пропахал в земле рытвину и, остановившись, схватил один из поваленных стволов, а потом бросил его в Прапора. Туповатый миньон отмахнулся от снаряда так, что тот полетел аккуратно в нашу сторону.

«Вот ведь бестолковая груда мускулов!» — раздражённо подумал я, приготовившись покинуть наблюдательный пункт. Но сверкнувшее на солнце острое глефы Натала, мгновенно удлинившейся на несколько десятков метров, успешно отклонило угрозу.

Вращающийся деревянный снаряд с грохотом и треском срубил верхушку другого дерева, глефа же вернулась к первоначальному размеру даже раньше. Благодарно кивнув другу (к сожалению, в ускорении толком не поговоришь, но тут и так всё понятно), отмечаю про себя, что он стал лучше управляться со своим артефактом. Мои уроки по синхронизации с шингу явно не пропали зря.

Отправив миньону мыслеобраз, призывающий быть поаккуратнее, подкреплённый чувством неудовольствия, я добился строго противоположного: туповатый великан, озлившись на разбрасывающегося всяким мусором обезьяна, несколько раз его сильно ударил и в довершение вывихнул руку в локте.

«Придурок», — без злобы, даже с некоторой безнадёгой пронеслось в голове. Прапор и аккуратность — это противоположные понятия. Мастер-ломастер, блин!

— Гу-а-уауа! — согласилась со мной будущая марионетка. Растерявший боевой пыл обезьян как-то почти по-человечески понурился и, признав поражение, отправился прочь от победителя и толпы зрителей, возбуждённо верещащих и прыгающих от дерева к дереву. Даже немного жаль его стало.

Избитый и изгнанный из стаи вожак встретил свой конец и новое начало сразу после того, как скрылся с глаз других обезьян. Уставший эйпман не смог оказать достойного сопротивления и

вообще толком среагировать на мою атаку, а потому удар вышел чистым и почти безболезненным.

Очередная марионетка пополнила коллекцию Яцуфусы.

* * *

— Ну что, Натал, раз с обезьянками всё решилось так быстро и весело — может, наведаемся к гидре? — спросила я после того, как обезьян с вправленной рукой отправился в пространственный карман: дозреть и лечиться.

— Гидра может оказаться опасней всей этой стаи разом, — с некоторым сомнением проговорил парень. — А если придётся сражаться на болоте... — покачивание головой. — И у нас нет средств, чтобы надёжно убить такого крупного и живучего монстра.

— В болото мы не полезем, борьба в грязи это не моё. Выманит монстра на сушу, заманим на фугас, потом ты наколешь оглушённую гидру, как бабочку на иголку. Ну, а дальше останется только добить и завербовать в мой отряд смерти. Главное — не промахнись и меть в ложбину между голов: там слабая шкура, нет защитных пластин и костей, зато есть большой нервный узел, координирующий движения всего тела, — делюсь я собранной на возможную цель информацией. — Парализованного монстра и детишки разберут. Если он не успеет регенерировать, конечно.

— Но это опасно, ты ведь сейчас нездорова...

— Не стоит держать меня за слабачку! — произношу, непроизвольно окрысившись. — Если я сейчас сдала, то это не значит, что ты можешь называть меня ни на что не годной! Если ты отказываешься, я расправлюсь с тварью сама! — слова друга не несли какого-то плохого подтекста, но... больная тема «слабые убийцы должны умереть» и всё такое.

Одно дело — подшучивать над своим состоянием; и совсем иное, когда обвиняет в слабости другой человек, пусть близкий и не со зла, а искренне беспокоясь.

— Прости.

Некоторое время мы двигались молча, лениво отмахиваясь от D и C-ранговой мелочёвки. Натал выглядел немного расстроенным, от его вида в груди неприятно тянуло. Нехорошо вышло. Друг согласился помочь в охоте и проявил беспокойство, а я, потакая своим фобиям и паршивому характеру, реагирую, словно ершистый подросток. И кто из нас, спрашивается, психологически старше? Стыдно.

«Когда уйдём и эту цель — угощу Натала тортиком. Самым вкусным!»

* * *

Чем ближе мы подступали к охотничьим угожьям гидры, тем сильнее чувствовался прилив сил. Вернее, не совсем прилив, а некое трудноописуемое ощущение, которое можно сравнить с тем, что возникает после смены тяжёлых зимних ботинок на лёгкие туфли и визита из надоевшего города в весенний хвойный лес.

М-да, похоже, Натал прав и с этой целью придётся повозиться. Гидра здесь действительно самая опасная, раз заняла место в центре этого небольшого анклава Диких Земель. А точнее, Места Силы.

Пришлось немало покружить на границе болота, но в конце концов Наталу удалось заметить в отдалении живой трёхглавый холм, дремлющий среди растущих в воде чахлах деревьев.

Подготовка, в отличие от поисков, много времени не заняла. Мы выбрали место встречи, прикинули, где и как будет вылезать монстр и установили на предполагаемом пути следования фугас. Я размотал катушку провода и притаился, держа наготове взрыватель. Друг и Прапор тоже заняли скрытые позиции, а мой новообретённый слуга принялся издавать вызывающие вопли и бросать в болото ветки, вырванные с корнем деревца и камни.

Хозяйка местных болот не смогла долго терпеть дебошира, кроющего её обезьяньими матами, и двинулась навстречу мохнатому хулигану. Когда гидра достаточно приблизилась к

беснующемуся эйпману — не преминула выразить своё отношение к его манерам: три последовательных плевка объёмом никак не меньше пары вёдер каждый с шипением разбились о землю. Но ловкий обезьян увернулся и снова провокационно заверещал, бросив в монстра новое чахлое деревце. Этого гидра уже не выдержала — и в облаке грязных брызг выметнулась на сушу.

«Тонн пятьдесят, — отстранённо прикинул я, глядя на здоровенную тушу, которая, судя по размерам, могла в один присест сожрать слона, а то и пару. Серая, с заметной зеленой шкура напоминала по текстуре помесь бегемотьей и крокодильей, только, конечно, кратно прочнее и толще; брюхо чуть посветлее, но именно чуть; четыре колонноподобные, коротковатые для такой туши ноги с короткими пальцами без когтей и перепонок; длинный, мускулистый, уплощённый с боков хвост, помогающий как в воде, так и в бою... в общем, типичнейшая гидра, прямо как в бестиариях. — Да, минимум полсотни тонн, скорее даже больше. Зря со взрывчаткой пожадничали».

И словно подтверждая эти мысли, вместо того, чтобы прямо проследовать к заботливо приготовленному для него фугасу, монстр ломанулся сквозь плотную древесную поросль. Только щепки полетели!

Хотя — что гидре та поросль? Трава, не более.

Мысленно выругавшись, пришлось направить эйпмана ближе к закладке. Обезьян из-за чрезмерных усилий Прапора стал не так ловок и быстр, как мог бы, и пробыл в кармане Яцуфусы недостаточно долго для полного исцеления, а вот его многотонная преследовательница в этом плане удивила. Сама-то гидра перемещалась не так чтобы очень быстро — зато три её головы действовали весьма стремительно, щёлкая пастями в опасной близости от марионетки. Она словно специально не давала миниатюрному в сравнении с ней примату добраться до нужной точки.

«Это уже не В-ранг. А-шка — может, молодая, но точно А-шка! Как бы мою новую куклу сейчас не сожрали».

Но нет. Ловкий эйпман, маневрируя в трёхмерном пространстве среди кустов и деревьев, таки добрался до фугаса. Вот крушащие деревья пасти, крепящиеся длинными шеями к могучей туше, зажали надоедливую букашку и устремились к ней с трёх сторон. Вот эйпман сжался, словно в ожидании неминуемой гибели.

А вот кукла исчезает, оставляя после себя только пустоту и землю, вспухающую яростным пламенем.

БА-БАХ!!! — мощный взрыв поднял в воздух черно-оранжевый фонтан земли и огня, сорвав с окружающих деревьев ветви и листья.

По ушам приложило ударной волной, но благодаря духовной силе скорее ощутимо, чем болезненно, не говоря о большем. А вот гидре, сунувшей морды в самый эпицентр, должно не поздоровиться...

Или не должно. Зверюга осоловело трясла головами, вразной моргала маленькими, как при таких размерах, глазками... но её даже из ускорения не выбило!

Вот ведь живой танк!

Блеснуло лезвие удлинившейся глефы. Шингу Натала пробил шкуру аккурат между шеями монстра, но тот, нехстати дёрнувшись, избежал попадания в критическую точку. Удар, пробивший тварь насквозь, не только её не парализовал, но и вообще не нанёс заметного урона. Полуоглушённая, гидра даже смогла плюнуть кислотой куда-то в сторону позиции друга на одном из деревьев. Не попала, конечно, и всё же вышло опасненько.

Выгадав момент, я тоже кинулся в бой, приказав Прапору быть наготове и отвлечь монстра, если что-то пойдёт не так. Конечно, ковырять катаной многотонную тушу монстра-регенератора — дело малоперспективное. Но я помнил, как предшественник сражался с гораздо более крупной и могучей S-ранговой гидрой и не собирался полагаться лишь на режущие свойства Яцу.

Время испытать новый приём в настоящем деле, а не на бандитах и свинках!

Как оказалось, взрыв ошеломил тварь далеко не так сильно, как хотелось бы. Я бы поставил большой ящик печенек против кислого яблока на то, что демонический зверь меня не видел — но стоило вскочить ему на спину, как последовала незамедлительная реакция. Немыслимо

изогнувшись, тварь стегнула по собственной спине хвостом, сгоняя агрессора. Из-за этого мой удар вышел смазанным, лишь пропоров шкуру и не пробив слой подкожного жира, по которому бесполезно растеклась собранная в клинке мертвящая сила.

Ну, как — бесполезно? Судя по реакции монстра, удар вышел очень болезненным. Иначе трудно объяснить причину, по которой трёхглавая тварь громогласно зашипела и выбрала основной целью именно меня.

Наплевав на мелькающую глефу Натала, гидра скоординированными атаками всех трёх пастей постаралась разорвать свою обидчицу в клочья... или, учитывая тот факт, что моё довольно миниатюрное тельце могло полностью поместиться и в одной, проглотить.

Оскаленные клыки сверкали со всех сторон, и только разогнанное восприятие помогало переоценившей степень своего выздоровления убийце остаться живой и в полной комплектации. Изогнуться и уйти от одной башки, упасть на землю и пропустить над собой вторую, перекувырнуться и почти угодить в пасть третьей, чтобы в самый последний момент найти опору в одном из клыков, выпрыгнув буквально из смыкающейся пасти, попутно резанув мечом по ноздрям монстра.

Куда там земному паркуру, вот где настоящий адреналин! Вот где настоящая игра со смертью, с которой никогда не сравнится никаким картам или рулетке! С лица не сходил азартный оскал.

«Прапор, давай!» — ушёл миньону мыслеобраз — приказ к атаке.

И Прапор дал! Оказавшись сбоку от увлечёйся моим преследованием головы, гигант резким движением вырвал монстру глаз, а затем мощнейшим ударом вбил башку в землю. Метнувшуюся к нему соседнюю голову встретил могучий удар в нос, от которого разошлась новая взрывная волна. Дальше Прапор, не теряя времени, ухватился за голову и попытался то ли разорвать ей пасть, то ли свернуть шею. Увы, но ни то, ни другое ему не удалось: третья голова отвлеклась от меня и, ухватив героического мертвяка за бок, подняла его в воздух, принявшись ожесточённо трепать. Средняя голова неуверенно устремилась в ту же сторону, очевидно решив помочь своей товарке разорвать слишком прочную добычу.

Спас Прапора Натал. Сменив позицию, позабытый монстром парень вновь задействовал способность своего артефакта, и удлинившаяся глефа пронзила шею треплющей немёртвого головы, задев там что-то важное. По крайней мере, хватка челюстей ослабла, так что марионетка по параболе отправилась куда-то в сторону болота. К тому времени начала приходить в себя и одноглазая башка — та, которой больше всего досталось от немёртвого.

В этот момент я понял, что если прямо сейчас ничего кардинально не изменить, то нам придётся драпать. Гидра оказалась слишком живучей, выносливой и устойчивой к повреждениям. А у меня остались силы только на одну хорошую атаку: слишком тяжело дался организму, измученному наркотической ломкой и избытком тёмной энергии тейгу, акробатический танец с тремя агрессивными поклонницами-пастями. Честно говоря, даже В-ранговая гидра не чета эйпману соответствующего класса, а столкновение с монстром более высокого уровня требовало заметно лучшей подготовки. Но не отступить же теперь? Вдруг монстр уползёт зализывать раны в глубины болота? Да и останется ли вообще у меня время для повторной охоты?

Жестом показав другу отвлечь тварь, начинаю концентрироваться на связи с Яцуфусой. Чтобы достичь успеха, нужно собрать в лезвии максимум как можно более агрессивной силы — и выплеснуть её в строго определённый момент, а не растратить на поражение жировой прослойки.

Лезвие Яцуфусы покрывается быстро темнеющей фиолетовой дымкой.

Натал множеством раздражающих, но неопасных атак развернул монстра и стал постепенно уводить его в сторону.

Энергия норовит вырваться, выплеснувшись паразитными разрядами чёрных молний, но я на всю катушку использую усилившиеся способности контроля и не даю совершиться пробой, всё сильнее уплотняя тёмную силу и всё сильнее насыщая её собственной ненавистью и жаждой убивать.

Краем сознания отмечаю, что Наталу приходится всё сложнее. Раздражённо чувствую недостаток способности концентрироваться для создания приёма и удерживания внимание на обстановке.

Пора! Если даже ЭТО не примет тварь, придётся отступить.

Выгадав момент, подкрадываюсь со стороны одноглазой башки и, совершив рывок, оказываюсь прямо перед ошалевшей от такой наглости гидрой. Подскочив (вот же здоровая скотина! чувствую себя блохой... ну да, полсотни тонн живого веса всё-таки, как у взрослого синего кита), вонзаю Яцуфусу прямо в почти затянувшуюся рану между шеями, пробитую глефой Натала ещё в начале боя. Катана беспрепятственно погружается на всю длину лезвия, а затем и рукояти. Энергия, не сдерживаемая более тисками воли, выплёскивается в живую плоть, поражая нервы, органы и находящееся где-то рядом духовное ядро. Меч остался в ране, а я, продолжив движение, отталкиваюсь от шкуры и лечу прочь от бьющегося в судорогах монстра.

Погружённый в чужую плоть, но всё ещё связанный со своей хозяйкой артефакт продолжает выплёскивать из себя силу, но... даже полупарализованная, гидра не собирается умирать! Неужели придётся отозвать тейгу и спастись бегством?

Обратив на себя внимание Натала, демонстрирую ему несколько сложенных пальцами знаков: «Сердца. Головы. Быстро». — И выпадаю из ускорения. Вокруг начинают падать поднятые взрывом в воздух комья земли. Не тратя более силы и концентрации на боевое усиление тела, сосредотачиваюсь на связи с тейгу. Через погружённый в плоть гидры меч выплёскивается всё больше злой энергии, подкреплённой желанием причинять боль и убивать.

«Сдохни-сдохни-сдохни! Сдохни в муках и стань моей игрушкой, смертная тварь! Сдохла? Нет, ты не сбежишь от боли, пока Я тебя не пущу! Теперь твоя душа принадлежит мне! Очнись! А теперь... Познай Боль!»

— ...ме! Ку4()ме, приди в себя! — пробивается в сознание мужской голос.

Ощущаю, как меня начали трясти. Новая вспышка злости.

«Кто посмел?! Убить!»

Открываю глаза. Вижу отшатнувшегося Натала. Почему? Что?

— Это я! Успокойся!

Волевым усилием придавливаю желание убивать и мстительно-садистский угар; концентрируюсь на «внутренней тишине», как бы выталкиваю эмоции наружу. Несложная и не особо полезная для меня-Виктора, и так довольно уравновешенного, — эта психотехника оказалась для меня-Куроме настоящим подарком. Особенно когда я её немного доработал, сопроводив прямым воздействием на головной энергоцентр.

В ушах зазвенело, накатило чувство нереальности, а эмоции превратились в бурю за окном: видимую, но неосязаемую. С отстранённым любопытством гляжу на напряжённо-обеспокоенного Натала.

Полезная штука, хоть и ситуативно. Постоянно гасить эмоции не получится: чувство пустой головы не так чтобы приятное, да и сам приём по ощущениям напоминает нанесённую себе же оплеуху. Вдобавок, дабы применить данный навык, нужно сперва понять, что пора бы его использовать, а в запале это выйдет не всегда. Да и с разгоном разума оно конфликтует. Но всё равно: лишь капля магии, а эффект помогает справляться с влиянием целого архидемона!

Всё же техники, обращенные на собственный разум — очень небезынтересное и незаслуженно упущенное направление. А я-Куроме зря наговаривала на своё прошлое воплощение. Не такой уж он и бесполезный соплежуй.

— Ты добил её? — спрашиваю отстранённо. Первые слова даются тяжеловато, словно их приходится выталкивать.

— Да, монстр мёртв, — друг сбился, — то есть нет, он...

Перевожу взгляд на гидру. По массивной туше течёт густая тёмная кровь из свежих, не успевших закрыться ран, пронзённые головы тоже кровоточат, а ещё...

— Она плачет? — произношу со всё таким же отстранённым удивлением. Из широко распахнутых, потемневших глаз — с предельно распахнутыми, как под атропином, круглыми

зрачками — и впрямь непрерывным потоком льются слёзы. По связи с новой марионеткой доносятся эманации страдания, покорности и желания если не прекратить муки, то хотя бы просто умереть.

— Не знаю. Я пробил её сердца и головы, гидра успокоилась, но потом снова началась какая-то х... — друг сдержал просящееся на язык ругательство, — что-то непонятное. Даже я ощутил страдания монстра, и... от тебя снова веяло той странной «жаждой убийства». Очень сильно. Я очень испугался за тебя, Куроме. И твои глаза...

— Что глаза? — я поморгал и огляделся, — Вроде всё хорошо.

— Они светятся.

Удивлённо моргнув, отзываю Яцуфусу в пространственный карман и призываю тейгу в руку. Всмотревшись в отражение на полированном металле клинка, и впрямь замечаю затухающие в тёмно-серой радужке фиолетовые искры.

— Занятно. Видимо, побочный эффект. Всё хорошо, Натал, просто я не привыкла к новому приёму и немного не рассчитала, — про себя хладнокровно отметил необходимость детально изучить возможные последствия духовным зрением. Потом, не сейчас.

— С тобой правда всё хорошо? — недоверчиво уточнил парень.

— Правда, — не покривив душой, ответил другу. Подтверждая эти слова, легко поднимаюсь и начинаю приводить себя в порядок. Ну, насколько это возможно в перепаханных, как после артобстрела, джунглях, провонявших болотом, кровью, резким запахом кислоты и — внезапно — древесной стружки. Как ни странно, самочувствие действительно оказалось неплохим. Даже, я бы сказал, удивительно неплохим — после таких-то трат силы и пропущенной сквозь себя тёмной энергии. Или это потому, что основной поток шёл через Яцуфусу? Может быть.

Но всё равно странно.

— Тогда домой?

— Угу, — отзываю новую марионетку в пространственный карман и двигаюсь к одному из поваленных деревьев. — Только перекусим и дождёмся Прапора. Его вроде не так уж и сильно поломали, должен сам дойти.

— Хорошо, — кивнул парень. — Если с тобой всё в порядке, то мы должны серьёзно поговорить, — голос друга стал строгим, а скрещённые на груди руки подчёркивали недовольство. — Такой риск был неприемлем! Ты понимаешь, что могла погибнуть в этом лесу? Ради чего ты рисковала, Куроме? Ради какого-то монстра?

— Всё было под контролем, — лениво отмахиваюсь от претензий. — Если бы последний трюк не сработал, я бы первая отступила, а в случае чего нас бы прикрыл Прапор или эйпман.

— Нам следовало отступить в самом начале, когда гидру не удалось поразить с первым ударом. Монстр А-класса слишком опасен!

— Да. Но теперь он опасен для наших врагов.

— Ты что, не понимаешь?! — взорвался Натал. В следующие пять минут друг высказал мне всё, что накопилось: и про непонятные эксперименты, и про чрезмерную скрытность, и про неоправданный риск. Даже распущенное поведение приплёл!

Ну, а виноватая во всех грехах легкомысленная и распущенная девчонка молча кушала печеньки, предоставляя другу и сокоманднику возможность выговориться.

Отстранённость самооглушения постепенно сошла на нет, но навеянное спокойствие осталось.

Я понимала его недовольство: атака на монстра, оказавшегося заметно сильнее, чем предполагалось, и её продолжение после первоначальной неудачи — далеко не идеальное

решение. Но нам необходимо прикрытие на случай неудачи и засветки группы. Некто, способный встать между нами и Стоуном с его офицерами или убийцами Фореста, если их всех пришлют по нашу душу. Старые марионетки с этим бы не справились, а вот А-ранговая гидра займёт почти кого угодно. Её и живую-то убить крайне сложно: те же сердца и головы регенератора класса А нужно поражать с минимальным интервалом, иначе у живучей твари есть шанс восстановиться. А уж уничтожить немертвую... Подобной твари будет начхать на любые повреждения. Ну, почти. Но атака, способная разметать в клочья полсотни тонн укреплённой плоти — это уже что-то в районе тактического ядерного взрыва.

Пока она способна жрать и передвигаться, тварь будет убивать и регенерировать. Эдакая слабая, «пиратская» версия истинного тысячетонного чудовища ранга S.

Вместе с новым пополнением я начал походить на настоящего кукловода, главная сила которого заключается в подчинённых мертвяках.

Само собой, трёхглавая марионетка не сможет встать стеной на пути преследователей, но этого и не нужно: достаточно призвать её рядом со зданием администрации, как у преследователей образуются более важные дела, чем погоня за нашей группой. Так что да, риск оказался выше расчётного — но времени на вторую охоту нам могли и не дать. Лучше рискнуть сейчас, с монстром, когда можно без проблем отступить, если начать проигрывать, чем прорываться сквозь кордоны озлобленных вояк, а потом стряхивать со следа егерей.

Натал и сам всё понимал — но, видимо, моя акробатика меж хищных пастей и новый приём, который пришлось усиливать резонансом с тейгу, заставили его понервничать. Чую, одним тортиком мне не отделаться.

Вскоре показался Прапор. Весь покрытый болотной грязью, в разорванном и поеденном кислотой костюме, немертвый всё же не выглядел, как ожидаешь от жертвы клыков огромного монстра. Да, в плоти марионетки виднелись кровотокающие следы от зубов, но вовсе не столь обширные и не так много, как должно быть. Очевидно, кожа Мастера пути укрепления поддалась зубам гидры далеко не везде. Похоже, миньон оказался ещё прочнее, чем я думал. Будь он монстром — тоже вполне потянул на А-ранг. Посмотрев на этого крепкого орешка с нотками восхищения и лёгкой зависти, отозвал героя в пространственный карман. На лечение.

Позорная кличка Грузчик ему теперь не грозит.

— Я тебя поняла, Натал, — изображаю что-то виновато-извинительное. — Пойдём?

Блондин посмотрел на меня с выражением усталого принятия и чуть кивнул.

— Пойдём, Куроме.

* * *

По возвращении на место временного базирования я быстро перекусил более существенной едой, чем печеньки, и решительно направился в ванную. Хорошенько отмокнув в мини-бассейне, наполненном горячей, вкусно пахнущей ароматными добавками водичкой, я принялся разбираться в последствиях пересёкшего условно-безопасную черту эмоционального резонанса с Яцуфусой.

Наверное, стоило начать с вопроса: зачем вообще нужно раскрываться навстречу, без преувеличения, ужасной сущности и подставляться под её влияние? Тут всё просто: пусть энергия Яцуфусы и является негативной по своей сути, но смешивая её со своей силой и добавляя в получившийся коктейль определённый эмоциональный заряд/установку, можно в некоторой степени корректировать её влияние, усиливая или ослабляя его разрушительность. Даже регенерацию можно получить!

Так, например, для нормальной стимуляции течения жизненной силы у подопытного нужно вкладывать в воздействие доброжелательное намерение. Тогда болевые ощущения и сопутствующие повреждения энергетики окажутся ниже, а положительный результат — выше. Впрочем, сила тёмного артефакта не слишком приспособлена под такое применение и плод целительских усилий не так чтобы действительно впечатлял. Гораздо легче причинять этой силой страдания и убивать. Хотя насчёт «убивать» я загнул: сопротивляемость сколько-нибудь стоящих воинов духа сильно срежет уровень повреждений. Если вспомнить могущество твари, послужившей Яцуфусе основой, сей навык (вернее, моя способность его применять) смотрится откровенно ничтожно.

Однако имея перед лицом пример того, как предшественник с помощью завязанного на эту энергию навыка доставил массу неприятностей монстру ранга S, а потом добил обессиленное чудовище, я продолжил работать в этом направлении. И резонанс стал промежуточным плодом

этих трудов.

Логично же! Если с помощью силы тейгу можно усилить «жажду крови», то почему бы не усилить «жаждой крови» разрушительность техник тейгу?

Разумеется, если сравнивать с тем, что творил со своей силой демон, мои потуги выглядели в лучшем случае жалко. Но у демона многое было завязано на недоступный мне уровень контроля. Да и, если не особо придираться, желаемый итог — достигнут. Урон возрос и множитель тем выше, чем в большем унисоне находились желания сущности артефакта и его хозяйки. На самом деле этот путь мне сильно не нравился и вообще казался тупиковым, но в бою с гидрой пришлось пользоваться тем, что есть. Так что сырой, но рабочий навык оказался как нельзя кстати, а такой же сырой приём для борьбы с наведённым влиянием помог избавиться от последствий.

Как-то многовато сырого и недоработанного для одной схватки; может, Натал и правильно отчитывал меня за авантюризм. Но... сработало ведь! Да и организм, как ни странно, ничуть не пострадал, даже немного выиграл. Удивительно, но транс самопознания не показал ничего, кроме несколько улучшившегося контроля над энергией Яцуфусы, который позволил ещё чуть-чуть снизить угнетающее влияние тёмной энергии на жизненную силу. Надеюсь, за нынешнюю удачу не придётся расплачиваться позже.

Кстати, насчёт направленных на разум техник. Пока тело не жило в ванной, расслабленно блуждающий разум подкинул отличную идею: по аналогии с разгоном мышления придумать что-нибудь для его, хм, усиления. Добавочная концентрация и самоконтроль лишними точно не будут. Правда дальше абстрактных хотелок эти мысли пока не ушли. Если разгон получался интуитивно понятным и, вероятнее всего, достался мне от пробудившейся посмертной памяти, где я-Виктор существовал в виде духа, воспринимая мир не глазами и думая не мозгом, то новую технику придётся именно создавать с нуля. И экспериментировать придётся на себе.

Учитывая, что главная достигнутая мной вершина в этом направлении — кривенький кадавр из почерпнутой в интернетах простенькой психотехники и недавно придуманной ментальной оплеухи — просто не будет. Но, как говорил один нехороший человек, «главное начать!». А ещё главнее не закончить так же, как некогда великая страна под руководством сего неуважаемого не-товарища. Но тут всё зависит только от меня; тем более для такого рода исследований и тренировок нынешняя телесная слабость совсем не помеха. Речь ведь о более тонком управлении собственной энергетикой. В некотором роде — душой.

Эх, ещё бы свободного времени побольше! Живучесть гидры и её способность, не проваливаясь, легко передвигаться по болоту и мягкой земле манили любопытство, как акулу — свежая кровь в воде. Вдруг получится перенять полезное или понять важное? Но чего нет, того нет.

Миньоны вместе с сокомандниками хоть и взяли на себя большую часть реализации планов, созданных совместно с майором Дафом, но мне всё равно приходилось тратить время на пояснение задач и координационную работу. Что поделаться? Мой план — моя ответственность. И начальствовать тоже мне. Не мутному мертвяку же отдавать руководство? Конечно, я неплохо навострился чувствовать намерения и эмоциональное состояние марионеток, а подчинённый разведчик, помимо прочего, имел целых две уязвимые точки в лице трепетно любимой пожилой матери, проживающей в поместье близ Столицы, и своего, гхм, возлюбленного, к которому этот тип испытывал некие чувства. Но доверять сохранившему разум и волю профессиональному шпиону, да ещё и предателю? Нет уж! Хватку на горле этой хитрой сволочи лучше не ослаблять...

Хочу на остров в тёплых морях! Поближе к вкусным фруктам, годным для драки и исследований монстрам, ласковым красавицам-аборигенкам и теплой водичке... и подальше от прогнившей власти, неадекватного командования, клятых мятежников и сомнительных миссий с ещё более сомнительными планами их исполнения!

* * *

На границе между средним и нижним городом в самый оживлённый час внезапно прогремел взрыв, а затем откуда-то из канализации повалили даже на вид страшные клубы жёлто-зелёного дыма.

Облако и само по себе вызвало некоторую опаску. А уж если знать о расположенной где-то под землёй лаборатории распроклятого западного чернокнижника, да ещё — о стоящей неподалёку от расползающегося тумана приёмной алхимика, совмещённой со штаб-квартирой наёмников...

Паника вспыхнула стремительно. Ещё мгновение назад нервничающие, но пытающиеся осмыслить произошедшее люди смотрели на подозрительное явление, но стоило раздаться воплям боли и страха, а нескольким провокаторам заполошно побежать, как разумные, словно только того и ждали, мгновенно превратились в нерассуждающую бегущую толпу.

— А-а! Западная тварь решила всех отравить!!!

— Кха-кха! Тяжело дышать, это яд!!!

— Я ослеп, я ничего не вижу! — на ходу орал ловко огибающий ямы «незрячий». — Спасите!!!

— Бежим!!! Скорей бежим отсюда!!!

Если бы кто-то смог отследить происходящее в расположенных рядом с облаком кварталах, то немало удивился бы синхронности и похожести криков. А также тому, что сами «паникёры» не выглядели слишком-то испуганными: игра мелкой полукриминальной шушеры оставляла желать лучшего.

Зато рядом с провокаторами творилось настоящее безумие. Крик, рёв, визг! Бестолково мечущиеся люди, ломящиеся сквозь двери и прыгающие из оконных проёмов жильцы и рабочие, заторы на узких улочках, давка, визг детей и женщин, вопящие неудачники, упавшие и втаптываемые в землю множеством ног...

Пришедшее через время осознание того факта, что накрывшее квартал облако не вызвало никаких недугов страшнее кашля и слезящихся глаз, совсем не заставило народ успокоиться (чему способствовали добавки в дыму, повышающие возбудимость и одновременно снижающие критичность мышления). Да, паника ушла — но озлобленные люди, увидев, что натворили, поддавшись собственному страху, жаждали назначить виноватого и выместить на нём свои боль и злобу.

Нетрудно догадаться, кого именно определили козлом отпущения.

В Империи недолюбливали алхимиков, а уж западных представителей этого ремесла рисовали настоящими чудовищами. Поэтому иммигрант данной профессии воспринимался бы с большим подозрением, даже не числится за ним некоторые грешки. Но западник, работавший на губернатора, отнюдь не тянул на невинную овечку: периодически пропадающие тут и там люди говорили об этом вполне недвусмысленно. Разумеется, на совести алхимика и его наёмников

висела лишь малая часть пропавших — но наглость, с которой они действовали, накладывалась на ненависть к исконному врагу, и результат с лёгкостью затмевал деяния бандитов и работорговцев, чьи руки кровь и слёзы пятнали несоизмеримо гуще.

Казалось бы, имея связи в администрации, совсем несложно получать в качестве подопытных смертников... но, видимо, гостя с запада именно смертники чем-то не устраивали, а предусмотрительности, чтобы действовать через местный криминал, ему не хватало.

Кое-кто видел (или рассказывал, что видел) сбежавших монструозных химер, многие насмотрелись на химер более ординарных — перекачанных бабищ-охранниц, в оступелых лицах которых некоторые особо зоркие наблюдатели узнавали знакомые черты. Кто-то обвинял алхимика во вспышках заболеваний (вот тут молва оказалась совсем уж несправедлива, потому как именно с помощью талантов беглеца из Западного государства власти купировали уже две эпидемии). Но когда распространителей слухов заботило их соответствие реальности? Некоторые выдумывали вовсе уж отъявленные небылицы о кровавых оргиях, вселяемых в людей демонах и прочих вещах, о которых могли бы знать только ближайшие помощники чернокнижника, но уж никак не кабацкие забулдыги.

Впрочем, «западное порождение демонов» хоть и будило подсердечную злобу, но злобу бессильную; люди хорошо знали, чем оборачивались выступления против чернокнижника, находившегося под прямым патронажем губернатора. Да и сам он предпочитал отвечать на агрессию и оскорбления со стороны «забывших своё место грязеедов» с большой жестокостью. Это тоже стало ошибкой: народ привык сносить подобное от собственной аристократии или властей, но никак не от чужака. Однако, как уже говорилось, в противоборстве страха и злости побеждал страх.

До сего дня.

Десятки разгневанных людей сливались в сотни, сотни объединялись в тысячи. Кто-то шёл, потирая кулаки, кто-то с оторванной от забора штакетиной, кто-то нёс в руке топор, некоторые сжимали копыя или рукояти различных клинков, в толпе нет-нет, да мелькали винтовки — эхо минувшей войны. Страх толпы и затаённая ненависть народа вновь, как бывало не раз, обернулись яростью.

Ни тонкий заслон стражи, ни истерично вопящие о своей невиновности наймиты западника, ни даже две огромные, перевитые мускулами, словно земные бодибилдеры-синтольщики, изменённые алхимией охранницы не смогли остановить впавших в раж горожан. Вообще-то не

ведающие боли, страха и жалости живые машины смерти имели неплохой шанс утопить ярость толпы в её же крови и ужасе, но... не вышло. Одна странным образом лишилась ноги и оказалась завалена телами, а вторая в пылу битвы не заметила пробивший ребра под левой лопаткой стилет. Девушка-химера продолжила сражаться как ни в чём не бывало, но это оказалась лишь видимость неуязвимости, меньше чем через минуту боя она упала бездыханным телом.

Для обладающих автоматическим оружием наёмников дела также сложились на удивление неудачно. Сначала прямо в напоминающее бойницу окно точнёхонько под ноги засевшему там пулемётчику прилетела граната, неведомо как оказавшаяся у одного из горожан. Затем в здание один за другим невероятно метко влетели горшки с жарко вспыхнувшей на воздухе огнесмесью. После того, как толпа выбила двери в занявшееся огнём здание, и, вытащив надыхавшихся дымом наёмников, начала рвать мужиков на части, виновник фатальных неудач охраны отсутствующего в здании алхимика, пряча свою обычную ехидную усмешку под закрывающим лицо платком, поспешил удалиться.

Спустя некоторое время по улочкам внутреннего города, не подозревающим о творящемся неподалёку безумии, насвистывая весёлую мелодию, шёл молодой темноволосый парень с довольной и чуть ироничной полуулыбкой на губах. Небезызвестный среди дворянской молодёжи Кукуты острослов, задира и заводила совсем не напоминал сочувствующего городской бедноте головореза-южанина. Тем не менее, молодой парень был и благородным Кайлом, и безмянным повстанцем, и играющим их роли гениальным — по своему нескромному мнению — актёром, которому по прихоти судьбы выпало стать убийцей спецотряда имперской разведки.

Кто бы мог подумать, что за маской милой, но простоватой маленькой Куроме-чи крылась такая прекрасная и изощрённая натура? Или истинная природа их младшенькой проявилась под влиянием великолепного и остроумного сокомандника? Как бы то ни было, Кей Ли был готов простить этой маленькой злой колючке... да почти что угодно! Ведь именно сейчас он понял, что раньше он и его предыдущая команда занимались унылым делом.

Смертельно опасным, будоражащим кровь, да — но унылым. Без искры вдохновения, без, так сказать, благородного безумия.

Чем, по большому счёту, отличалась зачистка деревни или какой-нибудь банды от рубки смертников? Да ничем! Скукота. Ни тени вызова. Но сейчас... о, сейчас его переполняли эмоции! Это будоражащее чувство совместно срежиссированного и воплощённого в реальность события — просто непередаваемо!

Не принадлежи его сердце рыжеволосому Огоньку, парень бы попытался предложить свою руку и сердце темноглазой убийце. Правда, после этого ему бы пришлось постараться, чтобы сохранить означенные части в одном комплекте с телом: некоторых шуток Куроме-чи совсем не понимала. Или понимала, но в ответ шутила слишком уж своеобразно (не всем же от рождения обладать идеальным чувством юмора, как у него самого?). Но разве не это придавало хорошей остроте жгучего перца? На лицо Кей Ли вползла предвкушающая проказу усмешка. Парень направился к замеченному цветочному магазину.

— Букет роз! Кроваво-алых, и самых колючих!

* * *

В это же время в один из крупнейших банков города ворвалась банда грабителей. Небывалая наглость преступников соседствовала с такой же удачей. Прикинувшись бригадой рабочих, прибывших провести косметический ремонт холла, бандиты схватили спустившегося на первый этаж управляющего и принудили его открыть хранилище. Чуть более чем через четверть часа группа «рабочих» отбыла на своём фургоне, не забыв прихватить пленника. Им не помешали ни служащие, которых бандиты нашли, схватили и заперли с такой лёгкостью, словно знали о рабочем месте и привычках каждого, ни охрана, что в это время спала или пребывала в состоянии благодной расслабленности благодаря не предусмотренным рецептом добавкам в питье, ни полиция, больше занятая разгорающейся в другом месте суматохой. Преступление столь же идеальное, сколь и невозможное...

Для простых бандитов.

Расследование по горячим следам показало, что главным виновником и организатором сего действия стал сам «похищенный» управляющий. Именно он ни с того ни с сего затеял ремонт, запретил служащим сопротивляться грабителям, имел доступ к напиткам и провианту охраны. Также в эту версию укладывалось поразительное миролюбие и обходительность бандитов, которые даже схватившегося за револьвер помощника управляющего всего лишь обезоружили и связали.

Казалось бы, всё встало на свои места — виновник найден! Но... слишком много возникало вопросов. Ведь управляющий был не наёмным работником, а совладельцем банка, членом богатого, уважаемого и влиятельного рода финансистов. Да и к персоналу он относился, как должно уважаемому человеку — то есть плевал на проблемы и потребности низового звена и интересовался делами высшего только в разрезе способностей работников качественно

исполнять обязанности. Подставляться ради сохранения жизни всякого быдла? Что за глупость?! Да и кто будет менять стабильный и очень немаленький доход на разовый куш в десяток-другой тысяч золотых? Абсурд!

Однако у противников рода банкиров и иных заинтересованных сторон нашлось своё объяснение: ведь из хранилища исчезла не только легальная наличность, но и не совсем легальная. Или, говоря откровенно, — продукция местной мастерской фальшивомонетчиков.

На самом деле и дополнительная пара тонн золота в монетах оставалась слабым мотивом. «Очевиднейшая провокация! Что такого может получить разыскиваемый преступник с сотней тысяч золотых, чего не может уважаемый член общества с тысячей?!» — восклицал глава рода банкиров. Логичный довод. Очень логичный, даже если забыть о неприятном ударе по благосостоянию рода и сопутствующем ему (гораздо более жестоком) уроне репутации. А ведь у «беглеца» остались жена и дети, не говоря о других родственниках.

Только далеко не все спешили соглашаться с такой логикой. Фракция под предводительством губернатора Фореста, как и любая сколько-либо крупная группа по интересам, имела свои внутренние течения и противоречия. Неудивительно, что у банкиров нашлись недруги и конкуренты, пожелавшие толкнуть оступившихся, поддержав самую неприятную для тех версию. Те не стали молча сносить нападки и в свою очередь обвинили недругов в организации этой «подставы». Конфликт стремительно перерос фазу относительно цивилизованного спора с попытками аргументировать свою точку зрения, сменившись сначала взаимными оскорблениями, а потом и вовсе безобразной дракой уважаемых и почтенных, давно уже не молодых людей. Лишь прямое вмешательство губернатора заставило конфликтующие стороны сбавить обороты.

Но уровень озлобления даже оно, увы, не снизило. Тлеющий конфликт грозил перерасти в вооружённое противостояние посредством прикормленных бандитов и убийц.

А что же виновники торжества? Удачливые грабители подверглись нападению других бандитов, которые подозрительно удачно получили точную наводку на внезапно разбогатевших коллег. Тщательно скрытые, но кое-где всё-таки оставленные следы выводили на агентуру службы разведки.

Управляющий? Он тоже оказался мёртв. Более того: он перешёл в не живое или, вернее, неживое состояние загодя. Да и настоящее ограбление состоялось несколько раньше, чем думали заинтересованные стороны. Некой имперской убийце оказалось совсем не сложно

незаметно проникнуть на территорию банка, которым управляла её марионетка, а затем вместе с ней посетить хранилище. Ну, а дальше золото и некоторые иные ценности переместились в пространственный карман, благо плотный металл не превышал объёмом крупного эйпмана, временно заменившего раненого Прапора на посту личного интенданта Куроме. Прибывшие позже грабители, ошеломлённые огромным кушем, на деле получили лишь крошки.

Идеальное преступление.

* * *

Но этим действо не ограничилось. Далеко не все поспешили разойтись по домам после расправы над прислужниками ненавистного западника. Немало осталось и тех, кто, опьянев от крови и общей силы толпы, остался частью этого многоногого и многоглавого, могучего, но притом совершенно безмозглого монстра. Благое (по крайней мере, в головах погромщиков) начинание по усекновению клятого чернокнижника (которого так и не нашли) выродилось в обыкновенный погром и грабёж. Заметная часть толпы и присоединившихся к ним криминальных и околориминальных субъектов расползлась по винным лавкам, различным магазинам или просто богатым домам. Однако хватило и тех, кто, польстившись на речи заводил о свободе, справедливой каре для богатеев и перераспределении их средств в пользу народа, двинулся за вожаками к арсеналам — за оружием.

Простые грабители, впрочем, тоже не чурались лозунгов о революционной справедливости. Умные люди объяснили, что их вынудили стать бандитами зажавшиеся богачи — и сейчас они, сталбыть, не просто жгут и грабят, а возвращают своё. Ведь даже самому пропащему человечку приятно чувствовать себя сопричастным к чему-то светлому и благому... даже если эта сопричастность выражалась в потрошении сундуков жирных купчиков и задирании платьев их жёнам и дочкам.

— Довольно вы из нас кловушку сосали, тепель пососите чего длугого, — картаво смеялся беззубый, в жизни никогда не работавший честно бродяга, схватив за волосы молоденькую дочку лавочника. — Тепель наша власть будет! Слава леволуции, гха-каха-ха!

Забиваемый ногами других бродяг отец тем временем посылал в адрес революционной мрази бессильные проклятия. Никоим боком не сосавший народные деньги, своим каждодневным тяжким трудом заработавший на небольшое дело, мужчина мысленно поклялся, что если выживет — всеми силами поспособствует тому, чтобы вся эта революционная грязь оказалась

утоплена в отхожей яме, из которой и вылезла.

Далеко не все выкрикивающие революционные лозунги были бандитами, любителями пошуметь или движимыми стадным инстинктом обывателями, которые «делали как все». Встречалось немало идеалистов или даже политически подкованных личностей, которые выкрикивали дельные требования и несли на скорую руку сделанные плакаты, веря, что власть прислушается к народному гласу. Но власть не хотела их слушать, а бесчинства бандитов и поддавшихся алчности погромщиков заглушали и так не слишком громкие призывы.

Неудивительно: «стихийно вспыхнувший бунт» планировался именно таким, чтобы при словах «повстанец и революционер» каждый затронутый немедленно слышал, словно эхо — «бандит и мерзавец».

Были ли у лозунгов шансы на воплощение, не изврати злая воля «революционный порыв»? Вряд ли. Протестующие и сами в основе своей плохо понимали, за что именно и против чего конкретно протестуют, а главное — не имели понятия, что им делать в случае успеха... и в чём должен выражаться этот самый успех.

Гуляющие по толпе речёвки наподобие «пока мы едины — мы непобедимы!» были хороши только для борьбы с немногочисленными патрулями и избиения одиноких полицейских-будочников. Настоящий отпор толпа бы не выдержала, но доберись она до оружия, крови могло пролиться ещё больше. Поэтому, пока вдохновлённые красивыми словами «воины справедливости» несли эту самую справедливость посредством погромов, поджогов и избиений зачастую таких же, как они, простых граждан, пытающихся защитить свои дома, армейцы получили информацию о планируемом захвате арсеналов.

Строго говоря, некоторые особо ретивые «сознательные граждане» с хитрыми глазами на не самых честных физиономиях поделились зловещими планами мятежа ещё до того, как они были озвучены перед погромщиками. Так что армия могла среагировать с опережением.

И среагировала.

В итоге распалённую и пьяную не только от куража (ни одна винная лавка не осталась не «освобождённой» от лишнего алкоголя) толпу встретили ошестинившиеся оружием солдаты под

предводительством хмурых офицеров. Быть может, горе-революционеры и отделались бы лёгким испугом от пары залпов над головами и пулей-другой в грудь самых горластых, но случилось так, что погромы коснулись и района, где проживали многие из расквартированных в городе офицеров. Воины добра не слишком-то церемонились с хозяевами жилплощади, особенно если те имели наглость отстаивать своё имущество, мешая восстановлению социальной справедливости, поэтому озлобленные военные были не прочь вернуть должок.

Конечно, приказ генерала Стоуна они бы не нарушили, и скомандуй тот только защищать склады — так бы и поступили. В конце концов, армия не имела права на боевые операции внутри города, не получив на то указания сверху. Но Каменная Стена никогда не славился кротким нравом и приказ «не жалеть патронов и вбить революцию обратно в глотки этой швали» последовал сразу, как только военачальник выслушал донесение вестового. Зазвучали выстрелы, зашелестела режущая воздух и с хрустом пробивающая плоть и кости сталь, заорали резко растерявшие весь кураж погромщики.

Как ни странно, но столь жёсткая реакция даже снизила итоговый список жертв в сравнении с местами, где действовала стража. Получив жестокий отпор, большая часть народа поспешила рассеяться, а меньшая отправилась искать добычу полегче.

Естественно, столь крутые меры не могли не вызвать вопросов у полиции, которая, как уже говорилось, справилась с задачей заметно хуже — с большим количеством жертв как среди погромщиков, так и среди стражников и мирных жителей, которые пострадали из-за медлительности и нерешительности командиров. Результатом стал (очередной) скандал между главой стражи Модо и генералом Стоуном, после которого военные выгнали с прилегающих к подведомственным объектам территорий ещё и правоохранителей. Подтянутые к перекрёсткам пулемёты и недобро поглядывающие по сторонам Воины Духа, как бы не более опасные, чем хищные дула огнестрела, не способствовали эскалации конфликта и тупому исполнению закона.

Взять генерала и его офицеров под арест глава полиции так и не осмелился, пришлось Модо умирить свой нор и, сыпля ругательствами, удалиться, чтобы потом сорвать гнев на подчинённых и остатках бунтовщиков. Что же до Стоуна, то он сам отправился в администрацию — выяснять отношения с «главнюком обосравшейся шайки свиноголовых пустобрёхов».

И так чахленький росток пиетета военачальника перед действующей городской властью совсем увял, провалившись куда-то на уровень канализации.

* * *

Для губернатора Фореста начинались тяжёлые времена. Красивая и выверенная шахматная партия превращалась демон знает во что. Черёда «случайных» (и дураку ясно, что совсем не случайных) событий враз смешала расклады и лишь невероятными усилиями удалось сохранить подобие стабильности. Неведомый враг точно рассчитал, куда и когда бить, а значит... да. Значит, ему помогал кто-то из своих, кто-то из ближнего круга.

Кто?

О, Форест это выяснит. И тогда горько пожалеют все, вздумавшие мешать игре гроссмейстера!

* * *

— Шах, — откинувшись на спинку стула и отпив сок из стакана, сказал Натал, озвучив незавидное положение чёрного короля.

— Вижу, — тихо вздохнув, тоже тянусь к пироженкам и чаю, чтобы за перекусом обдумать положение своих фигур. А положение чёрных на доске выглядело более чем печальным: Натал знатно проредил мои войска, загнав выжившие фигуры в неудобные позиции.

Блуждающий взгляд некоторое время скользил за пределами беседки. Увы, но зелень деревьев, мощёные дорожки и ненавязчиво отирающиеся в пределах видимости слуги не натолкнули разум на элегантную победную комбинацию. Что удивительного? В обеих жизнях из меня получился посредственный шахматист. Ну, зато я неплохо командовал марионетками, управлялся с духовной силой и убивал людей.

Тоже своего рода талант, хе-хе.

В принципе, можно сдаваться прямо сейчас. Но сдаваться я не любил, предпочитая перед

«смертью» ещё «помучиться». Любопытно, на сколько ходов чёрные смогут продлить свою агонию? Собственно, мне нужна сама игра, а не победа: ведь напрягая разум за шахматной доской, разгрузить его от лишней мороки получалось куда эффективнее, чем просто бездельничая.

Тренировки — тоже неплохой вариант, но сегодня и так вышел напряжённый день: одно ограбление банка чего стоит! Хотелось немного отдохнуть. Нет, сама акция — так, ни о чём, но подготовка... подготовка — да. А ведь банк — это лишь малая часть общей картины! Но важная, даже ключевая. У нас теперь есть много денег, что не могло не радовать. А то в процессе приготовлений пришлось немало потратиться на финансовую стимуляцию стукачей и агентов Дафа, плату посредникам, а через них бандитам и организациям радикально-революционного толка (по большей части — те же бандиты, но с лозунгами; именно таких выбирали специально).

Откуда в городе столько мятежников? А вот не следовало администрации заигрывать с революционным движением и закрывать глаза на повстанческие ячейки, тогда бы и не собралось под тёплым крылышком каждой твари по паре!

Самый шик заключался в том, чтобы все эти разнородные группки поняли, что и когда им делать, только непосредственно перед началом перформанса. Кто-то получил пакет с инструкциями, кто-то стоял и ждал с указанием раздуть панику, а кто-то потянулся на шум разгорающихся беспорядков.

Пусть местная стража и не слишком профессиональна, а разведка к тому же вела тихую, но жёсткую внутреннюю грызню, однако информация о подготовке к некоему событию к ним не утечь не могла. М-да... как бы ни кривил губы Кей Ли, а если бы не майор Даф, нашу «прививку от революции» вычислили и пресекли ещё на этапе подготовки. И хорошо, если бы потом не вышли на кукловода. Много где я, как типичный ликвидатор, поступил бы излишне прямолинейно, а о некоторых необходимых ходах даже не догадался. Зато благодаря марионетке-разведчику данные хоть и утекали, но так, чтобы из них не удалось собрать цельной картины... вовремя.

Хозяйке же немёртвого разведчика оставалось запоминать методы и мотать науку на свой несуществующий ус.

Со временем стража или разведка вычислит, кто именно стоял за случившимся. Но и что? Поймать и допросить злокозненного майора разведки у них всё равно не выйдет, а сам факт

предательства только обострит внутренние противоречия. Куда и как бы ни вывернуло расследование, но результаты его сыграют на нас.

А вот с недавно прибывшей партией денег и управляющим банка, имевшим замечательную привычку совершать одиночные утренние прогулки, мне откровенно повезло. Благодаря удачно разыгранному шансу золотой запас нашей маленькой, но амбициозной тайной организации многократно приумножился, несмотря на сопутствующие траты — а это означало, что по возвращении в Столицу у меня появится больше возможностей. Хотелось бы сразу добавить в коллекцию местного алхимика, но он и так никуда не денется. Зато пока он жив, его охрана оттянет часть сил Фореста. Да и поиск недоброжелателей чернокнижника внутри рядов или среди недругов заставит главную цель тратить силы и нервы, заодно портя отношения с повстанцами и сообщниками.

Игрушки, мнящие себя свободными, начали свой кукольный танец, хе-хе-хе.

Ныне же законопослушное зло в моём лице устало от трудов праведных и хотело полениться. Благо ближайшие день-два, а то и неделю новые серьёзные вмешательства (вероятнее всего) не потребуются, только контроль. Раскачивать лодку станут исключительно местные кадры: некоторые — получив от «сочувствующих делу революции товарищей» деньги, некоторые — узнав о кое-каких интересных фактах, а некоторые — просто исходя из своего видения ситуации и личной выгоды.

Интересно, мне уже пора начинать репетировать злодейский смех? Или лучше приняться за создание стильного трона из черепов? Благодаря кошмарам-воспоминаниям у меня даже имелось представление, как заставить их забавно щёлкать зубами и пугающе завывать.

Хотя нет, завывания — лишние. Мне и кривляний нашего «непревзойдённого юмориста» хватает!

Да... красиво получилось. И нельзя не признать, что это очень удобно — работать, когда под рукой есть своя шпионская сеть, кровно замотивированная в результате (а марионетка-разведчик имела множество личных агентов и собственный архив с разным-интересным, что равняло одного Дафа с этой самой сетью). Конечно, ещё красивее вышло бы, обрати я в марионетку начальника полиции или чиновника уровня брата Изабеллы и оставь в качестве агента влияния... увы, такой прекрасный (в теории) ход разбивался о сложности реального воплощения.

Это от лишённой разума и собственной воли куклы можно не ждать подвохов страшнее слишком топорного исполнения приказа, а вот с разумными миньонами всё сложнее. Да, первичный импульс подчинения заставляет согласившихся (в основном недобровольно) исполнять приказы, но чем дольше немертвый находится в свободном плавании, тем шире он может трактовать распоряжения. Того же Дафа я старался не отпускать больше чем на несколько часов, а после возвращения допрашивать, проверяя искренность с помощью духовной связи.

И, между прочим, не зря! Хитрая сволочь сумела, даже строго следуя букве приказа, устроить несколько пренеприятных подлянок, просто-напросто обратившись не к тем людям или намеренно выразив формально верное указание так, чтобы исполнители его неправильно поняли. Если бы не моя паранойя, этот саботаж мог провалить всё дело. Несколько сеансов прочищающей мозги боли и любовничек этого заднеприводного Штирлица, отправившийся в больницу после нападения «неизвестных грабителей», сделали его покладистее, но руку на горл... то есть на пульсе, держать всё равно приходилось. Страшно подумать, что такой «верный» кадр мог наворотить, оставь я его на должности надолго!

Иными словами, пусть идея кукол на высоких постах и оставалась привлекательной, но на данном этапе нереализуемой из-за чрезмерного риска. А жаль!

Кстати, по итогам всей эпопеи с подготовкой у скромной некроманси, ранее не замеченной в таких вещах, появилась репутация прирождённой шпионки и диверсанта. Я хоть и поделился кое-какими бумагами из архивов миньона-разведчика, ссылаясь в своих действиях на них, но всё же, всё же. С другой стороны пусть ребята лучше считают меня внебрачной дочерью Сайкю, чем узнают о разумных марионетках. Так безопаснее.

— Шах.

— Угу, — поредевшая армия чёрных начала очередные перестроения.

— Шах и мат, — через некоторое, не такое уж и большое количество ходов, улыбнулся друг, ознаменовав моё очередное поражение.

Не бывать мне гроссмейстером. Но, как говорит военная мудрость, нельзя быть сильным сразу

во всех местах и всех аспектах возможных ситуаций. Это если перевести на высокий штиль незамысловатое «зато я в глаз дать могу!».

— Четыре — один, — недовольно дунув на чёлку, я толкнул чёрного короля пальцем, заставив ониксовую фигурку упасть.

Так-то и одна ничья стала серьёзным достижением. Натал играл значительно чаще, к тому же ещё во времена ученичества прочитал несколько книг с шахматной теорией и разборами знаменитых партий. Ну, а я в обеих жизнях брался за фигуры редко, сугубо под настроение — или вот, как сейчас, просто желая отвлечься (и не включая разгон разума: и так перенапрягся, нечего усугублять).

Устроенный с моей подачи «игрушечный бунт» вызывал двоякие чувства: с одной стороны, театральное представление с живыми марионетками вышло штукой весьма потешной. А вот с другой... устраивать подобие того, с чем сам же привык бороться... как-то это не очень.

Мы хоть и подстраховались от того, чтобы погром не перерос в по-настоящему масштабную и кровавую бойню, но моей иномировой части затея не нравилась. Да и уверенность в том, что избранный путь окажется именно меньшим злом из всех, отсутствовала. Зудело на краю сознания надоедливо: «А правильно ли я поступаю? А не сделаю ли хуже? А стоят ли эти жертвы того? А вдруг из-за моего решения погибнет кто-то из группы?»

«Эх, как же было хорошо раньше, — иронично хмыкнул внутренний голос, — сказали рубить — руби, сказали не рубить — отдыхай и кушай печеньки. Лишние умствования от лукавого, пусть лошадь думает, у неё, хех, голова большая».

Да... командовать — это не только строить планы и с важным видом раздавать мудрые указания, это означает ещё и нести ответственность за последствия этих самых указаний.

Пока что всё вроде бы и неплохо, но... Напряжно!

— Ладно, загадывай уже желание, — поторапливаю так же, как и я, ушедшего в свои мысли

друга. Видимо, не одного меня обуяло беспокойство за успех затеи и миссии. — Только не снова помяукать или погавкать. Чувствую себя клоунессой перед слугами.

Натал как всегда тонко ощущал моё неоднозначное настроение и, судя по всему, решил отвлечь. Правда, методы друг избрал подозрительно похожие на шуточки нашего юмориста. Видимо, Кей плохо влиял не только на меня. Хорошо ещё, что самого балагура загнали домой после его выходки с букетом, «поддержки» ещё и от него я бы не вынес. А убивать сокомандников — плохо.

Даже таких, как Кей.

Это же надо додуматься — дарить цветы и признаваться «в любви и страсти» другой девушке в присутствии своей ревнивой половинки! Не то, чтобы меня задела шутка; не более, чем задевали Виктора студенческие приколы с поздравлениями на восьмое марта, например. Но вот перепалка, в которую моментально скандализировавшаяся Акира втянула не только своего мазохиста (только тому и обрадовавшегося), но и меня — вызвала немалое раздражение.

Потасовки рыжей и её парня, конечно, забавны — но, блин, только до тех пор, пока их бури в стакане бушуют поодаль, а не затягивают внутрь себя!

— Ха-ха-ха, — рассмеялся Натал, приняв мелькнувшую гримасу на счёт загаданных желаний, что, в общем-то, тоже не было неправдой. — В прошлый раз ты так смешно квакала! Как настоящая лягушка!

— Кхм!

— Хах, всё, молчу, не хмурься, — продолжая улыбаться, весело произнёс Натал. — Не буду заставлять тебя квакать, раз ты стесняешься. Тогда... — парень задумался. Спустя несколько секунд размышлений смешинки покинули его глаза. — Тогда загадаю ответ на один вопрос. Ответишь?

— Если он не из тех, что боятся чужих ушей, — киваю на слуг, которые отирались поодаль,

чтобы, возникни в них необходимость, тотчас исполнить указанное. Так-то это удобно, когда опустевшую чашку тут же наполняют свежесваренным чаем, но отирающиеся в зоне видимости посторонние всё равно действовали на нервы.

Платили мы более чем щедро, работой не нагружали и относились к прислуге по-человечески, поэтому за рабочие места у нас держались, что иногда принимало такие вот чрезмерные формы. Вроде и сказали, что после отъезда с собой никого не возьмём, но прислуга всё равно пыталась выставить себя в лучшем свете. А кроме того, Наталу и Бэйбу не давали покоя вьющиеся вокруг потенциальных «состоятельных любовников» служанки. Если бы не Изабелла, я бы позавидовал, а так только тихо посмеивался. Любительниц же девочек помоложе, к счастью или худу, среди «горняшек» (от слов горничная и няшка) не нашлось: я не искал, а сами они не напрашивались.

— Я хотел спросить, — друг ненадолго запнулся и продолжил, словно угадав мои мысли, — какие отношения у вас с Изабеллой?

— И что тебя интересует? Надеюсь не интимные подробности? — усмешка. — Я всё же не Кайл, чтобы таким хвастать. Но если хочешь, могу пересказать пару историй Беллы о развлечениях в закрытых школах для девочек, у них там было весело.

— Нет, что ты! Это не моё дело! — смутился друг. — Просто мне показалось, что вы стали близки. Разве это не вызовет... — парень замолчал стараясь подобрать слова, верно опасаясь задеть мои гипотетические чувства. Но я уже сообразил, что он хотел сказать и о чём тревожился.

— Я не влюбилась в Изабеллу, если ты об этом. Да, нам нравится проводить время вместе, и мы друг другу симпатичны, но не более того. Можно сказать, что мы друг друга используем: Белла удовлетворяет свою жажду новизны, заодно эпатируя публику похожей на ребёнка подружкой, ну и я тоже не остаюсь внакладе. А когда нам это наскучит, мы без всякой трагедии разойдёмся, сохранив в памяти пару приятных моментов, — кривовато усмехаюсь. — Или я одна сохраню.

Глава клана Оарбургов — ныне покойная Мэра Оарбург — отлично показала на своём и Акаме примере, чем могла закончиться попытка смешать работу и чувства, поэтому я изначально не питал розовых иллюзий и был готов к трагическому для девушки исходу.

— Но при прочих равных я бы предпочла расстаться на светлой для нас обеих ноте, — закончила я. Готовность при необходимости устранить любовницу совсем не означала желание это сделать.

— Я тебя понял, — Натал опустил глаза к столу. — Спасибо, что ответила. И прости, если расстроил.

Помолчали.

— Ещё партию?

— Конечно, я расставлю фигуры.

Начав новую игру, такую же неспешную, как и предыдущие, я стал параллельно прикидывать, чем займусь дальше. Отдых отдыхом, лень ленью, а надолго затягивать безделье — поступок контрпродуктивный.

Пожалуй, пора бы осчастливить Счетовода и пробудить у него способности Воина Духа. Несolidно аж целому «представителю Синдиката» оставаться немногим сильнее обычного бандита. Опыты на свинках и парочке нехороших личностей подтвердили безопасность процедуры, несмотря на некоторую её болезненность, которую тоже удалось уменьшить. Да, так и сделаю: проведу финальную проверку методики на миньоне, а потом возьмусь за кролика. Пора моему милому пушистику стать настоящим демоническим зверем!

Проверка новых марионеток также выйдет совсем не лишней. Особенно гидры: а то мало ли что у неё повредилось от бодрящей порции тёмной энергии? А ещё не помешает попросить Натала вновь проткнуть центральный нервный узел этой марионетки. Не потому, разумеется, что мне понравилось мучить зверушку, а чтобы испытать, насколько такое повреждение скажется на уже немёртвом существе. Будет обидно, если какой-то удачливый артиллерист попадёт в уязвимую точку кумулятивным снарядом, и такую всю из себя неуязвимую марионетку парализует.

Броненакладку ей прикрутить туда, что ли? И кузов на спину. М-да... собственно, почему бы и нет? Теперь при желании я не то что мешок печенек — целый фургон сладостей с собой носить смогу! Ха! Акаме точно лопнет от зависти, когда узнает об истинной мощи Яцуфусы!

Да и пару диванчиков к сбруе можно приделать. Гидра, конечно, не летает, но бегают довольно быстро: достаточно, чтобы использовать её как транспорт. Сильно разогнаться, конечно, не выйдет: сбруя слетит, да и тряска опять же; но километров сорок-пятьдесят в час — причём по любому бездорожью, включая форсируемые без подготовки реки — вполне, вполне. Учитывая практически полную неутомимость немертвых (в качестве ограничителя выступала моя духовная сила, которая для одной марионетки, даже столь мощной, могла считаться практически неисчерпаемой), группа А в случае чего вполне могла удрать от неприятеля на собственном вездеходном танке-амфибии. Чёрта с два нас догонят! А если и догонят, то это будут немногочисленные воины духа, измотанные преследованием.

Против полных сил ребят, транспортной гидры А-ранга и меня.

Неплохо!

В голове замелькали концепты уютного домика-склада на спине трёхглавой куклы. Да уж, это будет не Прапор и даже не Грузчик, а целый КамАЗ-печеньковоз! Или всё же грузовой танк? Артиллерийские башни ведь тоже есть, не очень дальнобойные (несколько сотен метров, но это ещё нужно уточнить), однако вполне мощные — едкая и липкая дрянь оставляла внушительные каверны в земле, а разлетающиеся брызги могли послужить неплохой заменой осколкам. Можно, хех, в прямом смысле этого слова плюнуть на разборки с многочисленным, но слабым рядовым мясом.

Правда, смерть от пары капель насыщенной духовной силой кислоты, попавшей на неудачника, выйдет ничуть не приятнее, чем от какого-нибудь горящего внутри плоти белого фосфора. В прошлом мире такое оружие обязательно подвели бы под запретительную конвенцию, как антигуманное. Но у того, чтобы играть за тёмную сторону, есть свои преимущества: никто не станет попрекать «проклятых палачей на службе прогнившей Империи» в слишком жестоких методах.

Хм... тогда и обезьяна можно улучшить. Скажем, выдать ему какой-нибудь лом-кладенец. Хотя нет: учитывая его любовь к швырянию камней и палок, лучше подыскать кастеты. И привязать их к рукам, чтобы не свалились и не послужили очередным метательным снарядом. Да, неплохая идея. Прапору такое только помешает, а вот эйпман с тяжёлыми железными

колотушками на верхних руках станет бить вражин заметно больше.

Ещё не мешает приналечь на техники разума. Кошмары хоть и начали потихоньку сходить на нет (вернее, сами сны остались, уменьшился эффект присутствия) — но кто сказал, что они не могут вновь усилиться? От рецидивов меня никто не застрахует, кроме меня же самой. Да и вообще: плюсики к памяти, интеллекту и концентрации — а лучше по паре плюсиков — мне совсем не помешает. Вряд ли получится внезапно воссиять гениальностью, но даже небольшая прибавка к, так сказать, ментальным статам приятна. Особенно если удастся сделать её перманентной.

Или зайти с другого бока и попробовать поковырять технику сокрытия намерения? А что? Если я смогу по желанию гасить одни эмоции и делать ярче другие, от этого останется сделать лишь один-два шага до создания полноценных психомасок. Не просто притворяться бесчувственной, беспрекословно верной командирам убийцей/высокомерной стервозой/добросердечной восторженной девчонкой, но и быть такой!

...если затея выгорит, а какая-нибудь ошибка не превратит возмнившую о себе некроманси в пускающий слюни овощ. Что поделать? Чем больше возможностей, тем проще себя угробить.

Тем временем Натал «съел» моего неосторожно выдвинутого вперёд ферзя, и через несколько ходов прозвучало закономерное:

— Шах и мат, Кори.

— Ладно, хватит на сегодня. В шахматах мне тебя всё равно не побить, да и вечереет уже. Как насчет разминки перед едой?

— Хочешь отыгаться в спарринге?

— Ага! Ставлю большую порцию десерта на свою победу!

— Хах, не думай, что я стану поддаваться!

Примечание к части

А.Н.: бечено хЗ.

Глаза Куроме

Похож на Эйпмана

Похожа на гидру. Только крупнее, с тремя головами, иными лапами и не с такой морщинистой шкурой.

<http://tl.rulate.ru/book/57083/4874658>